

К вопросу о датировке рельефов Белого храма в селе Таглан (Абхазия)

В.В. Пищулина, Е.М. Кишкинова

Донской государственный технический университет (ДГТУ)

Аннотация: Статья посвящена стилистическому и иконографическому анализу рельефного декора Белого храма в селе Таглан (Абхазия) в контексте средневековой скульптуры Абхазии, выявлению аналогов исследуемых рельефов в скульптуре Грузии, Армении, Алании, Византии и их датировке. Научная новизна статьи обусловлена тем, что подробное исследование скульптурного убранства Белого храма с. Таглан предпринимается впервые, сопоставление с выявленными аналогами позволяет предположительно датировать рельефы XI – XII веками.

Ключевые слова: средневековая архитектура и скульптура Абхазии, рельефы храма.

Цель настоящей статьи – выдвижение версии о датировке рельефов храма в с. Таглан XI – XII веками.

Задачи: исследование иконографии, композиции, стилистики зооморфных и антропоморфных рельефов храма; выявление их аналогов; обоснование датировки рельефов XI – XII веками.

Архитектурная пластика Абхазии периода Средневековья не раз становилась предметом углубленного научного исследования [1–8], 13, 15–17]. Однако ряд ее памятников по-прежнему имеет спорные датировки и вызывает дискуссии касательно толкования тех или иных изображений [1–4]. Это объясняется, во-первых, разрозненностью дошедших до нас произведений, что затрудняет воссоздание целостной картины эволюции скульптуры, во-вторых, возможностью ее повторного использования еще в Средневековье, в-третьих, сложностью самого культурного феномена. Действительно, в архитектурной пластике Абхазии можно найти не только отражение собственно кавказских традиций, связанных, в частности, с наследием Кобанской культуры и культуры Урарту, но и влияние

раннехристианского искусства, Византии, представленной различными культурными центрами, синхронных по времени произведений скульптуры в храмовой архитектуре Грузии и Армении, наконец, традиций, восходящих к искусству Ассирии, Ирана, скифов и сарматов [5-8]. В особенности это касается устойчивых символов и композиций зооморфного характера, получивших в христианскую эпоху новое толкование.

Скульптурный декор Белого храма (Чехохваме) села Таглан, в силу предполагаемой поздней датировки самого памятника, не нашел отражения в публикациях, посвященных пластике Абхазского царства. Храм однефный, выполнен из булыжника с почти утраченной облицовкой плитняком. Вот что пишет о нем Ю. Н. Воронов: «Каменный свод его покоится на арках, опирающихся на выступающие из стен прямоугольные плиты-консоли. В стены алтаря на значительной высоте заложены большие орнаментированные кувшины-голосники... На западном фасаде край кровли выложен плитами с рельефными изображениями птиц, животных, различных орнаментов. Алтарное окно снаружи перекрыто камнем с вырезанным на нем крестом» [9, с. 136].

Кроме этого креста, рельефы *in situ* имеются на плитах, размещенных вдоль верхнего края западного и южного фасадов. Эти плиты обработаны выкружкой, по нижнему краю которой тянутся полочка и валик. Вогнутая поверхность – фон скульптурных изображений – покрыта насечками «елочкой», напоминающими плетеные циновки [10]. На северном скате щипца западного фасада находится плита с плохо сохранившимся зооморфным изображением, возможно, сцены терзания с участием хищной птицы (?), а на южном – четыре плиты, две из которых занимает орнамент, включающий извилистые линии и чашечные углубления [11]. На третьей плите изображение практически утрачено, возможно, здесь была изображена птица. Относительно хорошо сохранился рельеф четвертой плиты с

профильными фигурами двух птиц, обращенных друг к другу (рис. 1). Плиты с орнаментальным и фигуративным декором чередуются. Вдоль верхнего края южного фасада также сохранилось несколько плит выкружки, скульптурный декор украшает ту из них, что находится вблизи западного фасада. Здесь представлено изображение кошачьего хищника в профиль вправо, дополненное извилистым орнаментом перед и под фигурой.

Кроме того, перед храмом обнаруживаются еще три фрагмента выкружки – с насечками, с извилистым орнаментом и с вращающимся солярным знаком в круге. Здесь же, перед храмом, имеется плита, на узкой стороне которой вырезан крест, уподобленный восьмилучевой розетке, заключенной в кольцо из жгута, а на длинной – схематическая фигура адоранта, причем фон также покрыт насечками. Рядом можно видеть расколотый фрагмент плиты с аналогичной розеткой.

Размещение рельефов на вогнутой поверхности находит множество аналогов в скульптурном декоре храмов Закавказья, начиная с анималистической резьбы капители Болнисского Сиона (V в.), непосредственно на выкружке растительные орнаменты размещены в декоре храма Цугругашени, притвора собора Дманиси (XIII в.). Расположение фигур животных вдоль верхнего края фасада имеет параллель, в частности, в таком широко известном своим скульптурным убранством памятнике, как храм на острове Ахтамар (X в.).

Обратимся к анализу скульптурных изображений фасадов, отмеченных стилистическим единством.

Иконографически сюжет с птицами, изображенными в профиль и обращенными друг к другу в геральдической композиции по сторонам креста, виноградной лозы, либо чаши – один из самых распространенных мотивов раннехристианского изобразительного и декоративно-прикладного искусства. Предмет, размещенный между фигурами, в рельефе Таглана не

прочитывается четко, вероятно, это чаша. Фигуры высечены без строгой симметрии, голова и шея левой птицы слегка склонены к чаше, а правой, наоборот, приподняты. Ближайший композиционный аналог рельефу Чеохваме – широко известная плита с птицами из храма в селе Мрамба, впрочем, имеющая дискуссионную датировку (рис. 2). Так, Е. Ю. Ендольцева пишет: «Что касается именно этой плиты с птицами, то Л. Г. Хрушкова предложила сначала датировать ее VI–VII вв. или более поздним временем – VII–VIII вв., затем все же отнесла к VI в.», и предлагает датировать плиту «первой половиной XI вв.» [2, с. 200]. Однако аналогия здесь ограничивается только композицией. Стилистически птицы Таглана выполнены в ином ключе, они трактованы не плоскостно-графично, а, напротив, объемно, в более высоком рельефе, с выявлением пластики фигур.

Рис. 1. Рельеф Белого храма. Фото В. В. Пищулиной

Рис. 2. Рельеф храма в с. Мрамба [12]

В аналогичной стилистике выполнена и фигура хищника семейства кошачьих с южного фасада (рис. 3). Сохранность рельефа позволяет лишь предполагать, какое животное было его визави – скорее всего, это был аналогичный хищник. В таком случае напрашивается ближайший иконографический и стилистический аналог – плита Лашкендарского храма (рис. 4). М. М. Трапш [13], Ш. Д. Инал-Ипа [14], Л. Г. Хрушкова [8] видят в животных на этой плите собак, Ю. Н. Воронов [4], А. Ю. Скаков и А. И.

Джопуа [1] – барсов; в более поздней публикации А. Ю. Скаков делает вывод о синкретизме образов [5]. По нашему мнению, изображенные животные относятся к семейству кошачьих.

Рис. 3. Рельеф Белого храма. Фото В. В. Пищулиной

Рис. 4. Рельеф храма в с. Мрамба. Фото из открытых источников

Рис. 5. Рельеф усыпальницы Прошьянов. Фото из открытых источников

Рис. 6. Рельеф храма на о. Ахтамар. Фото из открытых источников

Рис. 7. Рельеф Анийских ворот. Фото из открытых источников

Рис. 8. Рельеф из музея г. Эрзинджан. Фото из открытых источников

К сожалению, сам Лашкендарский храм до сих пор точно не датирован, даты варьируют от VII до XI вв. На рельефе Таглана хищник представлен в профиль вправо, с приподнятой передней левой лапой. Фигура обладает

выразительным силуэтом, довольно реалистичным и в то же время не лишенным декоративности. Абрис шеи плавно переходит в изгиб спины и упругую линию хвоста, детально обозначены острые уши, мягко моделирован весь объем фигуры. Отсутствие правой части композиции затрудняет расшифровку семантики изображения, не ясно, связана ли она с христианством либо несет геральдическую функцию, подобно рельефу усыпальницы Прошьянов (рис. 5) в Гегарде (XIII в.), где львы представлены в подчеркнута геометризированной манере. Как отмечал А. Л. Якобсон, «изображения хищников — пантер, барсов или львов, ... редкие в Византии, широко представлены в монументальной пластике Закавказья, Ближнего и Среднего Востока — в Персии, Месопотамии, Малой Азии — как в христианских, так и в мусульманских странах в X в. и в последующее время (в XI–XIII вв.). Эти образы могучих зверей, ставших феодальными символами силы и храбрости, уже в IX–X вв. были распространены в странах, ближайших к центрально-византийским областям: в Болгарии, Македонии, Греции, где появление их обязано, несомненно, восточным источникам. Самое место, которое отводилось плитам с такими изображениями, — стена дворца или богатого дома, боевая сторона крепостной стены или башни, фасад храма или даже алтарная преграда — ясно указывает на значение изображения этих зверей, служивших стражами, оберегами храма, дома или всего города (так, барс являлся, как предполагал Н.Я. Марр, гербом столицы Армении — Ани)» [15, с. 70–71].

К «кошачьему» рельефу Таглана стилистически близки многие фигуры животных (рис. 6) храма на о. Ахтамар (X в.), лев (рис. 7) с Анийских ворот (XII в.), лев и бык, вырезанные на плите из музея г. Эрзинджан (рис. 8). С этой последней плитой тагланские рельефы роднит и орнаментальный мотив, приобретший в Таглане особенно изощренный, витиеватый характер. Этот мотив можно сопоставить, с одной стороны, с волнообразными линиями

фона рельефов Кяфаркой гробницы (XI в.), с другой – с изображениями текстуры мрамора, которые известны во фресковой живописи, с третьей – с рельефным декором колонн, к примеру, храма в Ошки (X в.). Однако в последнем случае прочитываются растительные элементы, в то время как в тагланском рельефе они отсутствуют, зато имеются чашечные углубления.

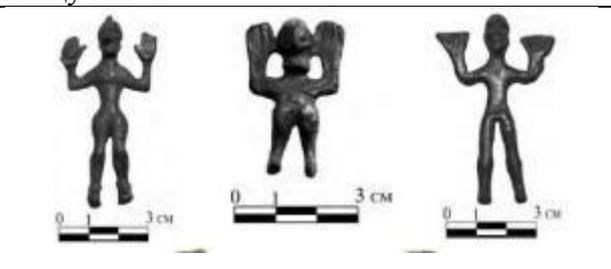
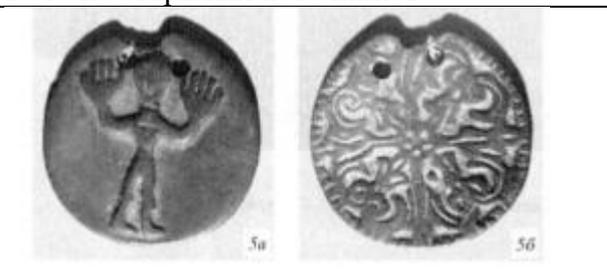
Первоначальный облик фасадов Белого храма (Чехохаме), учитывая облицовку известняковыми плитами и рельефы, вызывает отдаленную ассоциацию с изощренным разновременным декором Малой Митрополии в Афинах (XII в.) и скульптурой южного притвора Софии Трапезундской (XIII в.). В то время, как рельефы *in situ* выполнены весьма тщательно, упомянутые выше солярный знак и извилистые линии на обрушившихся плитах выкружки вырезаны более обобщенно.

Резко отличаются по стилю от фасадных рельефов мотивы, покрывающие полуразрушенную плиту, возможно, бывшую частью алтарной преграды. Изображения крестов в обрамлении жгута выполнены довольно грубо, как-то торопливо, с явным нарушением симметрии. Резчик как бы

Рис. 9. Плита у Белого храма. Фото В. В. Пищулиной	Рис. 10. Рельеф VI в. из ГМИИ им. Пушкина [1]	Рис. 11. Деталь дворца из Константинополя. XII в.[17]

дает зрителю намек на хорошо известный символ (рис. 10, 11), предоставляя достроить его в своем воображении (рис. 9). Довольно примитивна и схематична фигура адоранта (рис. 12). Голова и туловище его изображены в фас, ноги повернуты в профиль вправо, кисти рук показаны

гипертрофированно крупными. Возникновение иконографии молящегося с воздетыми руками относится еще к неолиту, более близкие по времени

Рис. 12. Плита у Белого храма. Фото В. В. Пищулиной	Рис. 13. Фрагмент Кяфарской гробницы. Фото из открытых источников
Рис. 14. Статуэтки адорантов [18]	Рис. 15. Латунный медальон [6]

примеры на Кавказе находим в бронзовом пластике – это статуэтки адорантов (рис. 14), датируемые не ранее II в. [18,19], и рельеф латунного медальона (рис. 15) из Сухума [6]. Тагланский рельеф адоранта выполнен в стиле, который Л. Г. Хрушкова метко именуется «сельским». Довольно близкая стилистическая аналогия – фигуры аланской гробницы (рис. 13) Кяфарского городища (XI в.).

Явные отличия в стилистике зооморфных и антропоморфных образов храма не могут свидетельствовать напрямую о хронологическом разрыве в их изготовлении. Древнее и средневековое искусство знает множество примеров, когда образы животных трактовались гораздо более реалистично, нежели человеческие. Впрочем, и исключать более позднее изготовление плиты с адорантом тоже преждевременно.

Основываясь на приведенных аналогах, мы считаем возможным датировать рельефы Белого храма села Таглан XI - XII веками. Разумеется, визуальный стилистический анализ в отношении средневековой скульптуры Абхазии, особенно учитывая устойчивость иконографических и композиционных типов изображений, ни в коей мере не может претендовать на безусловную достоверность, необходимо дополнение его естественно-научными исследованиями, в частности, рентгенофазовым методом. Однако можно с уверенностью утверждать, что, если тагланские рельефы хронологически и выходят за рамки политического существования Абхазского царства, они, несомненно, обладают высокой историко-художественной значимостью, принадлежат культурному полю средневековой Абхазии и заслуживают дальнейшего углубленного изучения.

Исследование поддержано грантом РФФИ №19-512-40001\21

Литература

1. Джопуа А. И., Скаков А. Ю. К вопросу о датировке Лашкендарского храма и рельефа с барсами // Первые международные Инал-Иповские чтения (Сухум, 9–12 октября 2007 г.). - Сухум, 2011. - С. 362–363.
2. Ендольцева Е. Ю. Архитектурная пластика Абхазии в период Абхазского царства (VIII – XI вв.). – М.: ИВ РАН, 2020. – 432 с.
3. Ендольцева Е. Ю. Архитектурная пластика Абхазии в период Абхазского царства (VIII – XI вв.). Диссертация на соискание ученой степени доктора искусствоведения. Т. 2. Иллюстрации. – М.: Институт востоковедения Академии наук. – 2021. – 46 с.
4. Ендольцева Е. Ю. Группа рельефов из поселка Мрамба (республика Абхазия): уточнение датировки // Обсерватория культуры. 2018. Т. 15, № 6. – С. 719-728.

5. Скаков А. Ю. Еще раз о датировке и некоторых особенностях храма на горе Лашкендар // Материалы пятой Международной абхазской археологической конференции, посвященной 100-летию со дня рождения выдающегося археолога-кавказоведа М. М. Трапша, 7–11 ноября 2017 г. - Сухум: 2018.
 6. Хрушкова Л. Г. Группа неопубликованных и мало известных предметов позднеантичной и византийской эпохи из Абхазии и Краснодарского края // Искусство христианского мира. – Выпуск XIV. М.: ПСТГУ, 2017. – С. 68-85.
 7. Хрушкова Л. Г. Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья (IV-VII века). – М.: Наука, 2002. – 500 с.
 8. Хрушкова Л. Г. Скульптура раннесредневековой Абхазии: V—X века. — Тбилиси: Мецниереба, 1980. - 126 с.
 9. Воронов Ю. Н. В мире архитектурных памятников Абхазии. – М.: Искусство, 1978. – 176 с.
 10. Кизилев А. С. Барельефная орнаментация плит дольменов — древнейшее монументальное искусство Кавказа. – URL: arch-sochi.ru/2016/02/barelefnaya-ornamentatsiya-plit-dolmenov-drevneyshee-monumentalnoe-iskusstvo-kavkaza/. – Дата обращения: 30.06.2021.
 11. Бгажноков Б.Х. К вопросу о видах и формах чашевидных Знаков // Археология и этнология Северного Кавказа. Сборник научных трудов. Выпуск 6. – Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2016. – С. 7– 21.
 12. Ендольцева Е. Ю. Группа рельефов из поселка Мрамба (республика Абхазия): уточнение датировки // Обсерватория культуры. 2018. Т. 15, № 6. – С. 719-728.
 13. Трапш М. М. Труды. Т. 4: Материалы по археологии средневековой Абхазии. - Сухуми: Алашара, 1975. - 227 с.
 14. Инал-Ипа Ш. Д. Абхазы. – Сухуми: Алашара, 1965. – 695 с.
-

15. Якобсон А. Л. Крым в средние века. – М.: Наука, 1973. – 172 с.
16. Даркевич В. П. Светское искусство Византии. – М.: Искусство, 1975. – 350 с.
17. Всеобщая история архитектуры. Том 3: Архитектура Восточной Европы. Средние века / Под редакцией Яралова Ю. С. (ответственный редактор), Воронина Н.Н., Максимова П. Н., Нельговского Ю. А. — Л.: Издательство литературы по строительству, 1966. — 687 с.
18. Брилева О. А. Древняя бронзовая антропоморфная пластика Кавказа. - М.: ТАУС, 2012. - 424 с.
19. Виноградов А. Ю., Белецкий Д. В. Церковная архитектура Абхазии в эпоху Абхазского царства. Конец VIII — X в. М.: ИНДРИК, 2015. – 372 с.

References

1. Dzhopua A. I., Skakov A. YU. Pervye mezhdunarodnye Inal-Ipovskie chteniya (Suhum, 9–12 oktyabrya 2007 g.). Suhum, 2011. pp. 362–363.
2. Endol'ceva E. YU. Arhitekturnaya plastika Abhazii v period Abhazskogo carstva (VIII – XI vv.) [Architectural plastics of Abkhazia during the period of the Abkhazian kingdom (VIII - XI centuries)]. М.: IV RAN, 2020. 432 p.
3. Endol'ceva E. YU. Arhitekturnaya plastika Abhazii v period Abhazskogo carstva (VIII – XI vv.). Dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni doktora iskusstvovedeniya. Architectural plastics of Abkhazia during the period of the Abkhazian kingdom (VIII - XI centuries). [Dissertation for the degree of Doctor of Art History]. Т. 2. Illyustracii. М.: Institut vostokovedeniya Akademii nauk. 2021. 46 p.
4. Endol'ceva E. YU. Observatoriya kul'tury. 2018. Т. 15, № 6. pp. 719-728.
5. Skakov A. YU. Materialy pyatoj Mezhdunarodnoj abhazskoj arheologicheskoy konferencii, posvyashchennoj 100-letiyu so dnya rozhdeniya

vydayushchegosya arheologa-kavkazoveda M. M. Trapsha, 7–11 noyabrya 2017. Suhum: 2018.

6. Hrushkova L. G. Iskusstvo hristianskogo mira. Vypusk XIV. M.: PSTGU, 2017. pp. 68-85.

7. Hrushkova L. G. Rannekhristianskie pamyatniki Vostochnogo Prichernomor'ya (IV-VII veka). [Early Christian monuments of the Eastern Black Sea region (IV-VII centuries)]. M.: Nauka, 2002. 500 p.

8. Hrushkova L. G. Skul'ptura rannesrednevekovoj Abhazii: V—X veka. [Sculpture of early medieval Abkhazia: V-X centuries]. Tbilisi: Mecniereba, 1980. 126 p.

9. Voronov YU. N. V mire arhitekturnyh pamyatnikov Abhazii. [In the world of architectural monuments of Abkhazia]. M.: Iskusstvo, 1978. 176 p.

10. Kizilov A. S. Barel'efnaya ornamentaciya plit dol'menov — drevneyshee monumental'noe iskusstvo Kavkaza. [Bas-relief ornamentation of dolmen slabs is the oldest monumental art of the Caucasus]. URL: arch-sochi.ru/2016/02/barelefnaya-ornamentatsiya-plit-dolmenov-drevneyshee-monumentalnoe-iskusstvo-kavkaza/. Date assessed: 30.06.2021.

11. Bgazhnokov B.H. Arheologiya i etnologiya Severnogo Kavkaza. Sbornik nauchnyh trudov. Vypusk 6. Nal'chik: Izdatel'skij otdel KBIGI, 2016. pp. 7– 21.

12. Endol'ceva E. YU. Observatoriya kul'tury. 2018. T. 15, № 6. pp. 719-728.

13. Trapsh M. M. Trudy. T. 4: Materialy po arheologii srednevekovoj Abhazii. [Proceedings. T. 4: Materials on the archeology of medieval Abkhazia]. Suhumi: Alashara, 1975. 227 p.

14. Inal-Ipa SH. D. Abhazy. [Abkhaz]. Suhumi: Alashara, 1965. 695 p.

15. YAkobson A. L. Krym v srednie veka. [Crimea in the Middle Ages]. M.: Nauka, 1973. 172 p.

16. Darkevich V. P. Svetskoe iskusstvo Vizantii. [Secular art of Byzantium]. M.: Iskusstvo, 1975. 350 p.

17. Vseobshchaya istoriya arhitektury. Tom 3: Arhitektura Vostochnoj Evropy. Srednie veka. [General history of architecture. Volume 3: Architecture of Eastern Europe. Middle Ages]. Pod redakciej YAralova YU. S. (otvetstvennyj redaktor), Voronina N.N., Maksimova P. N., Nel'govskogo YU. A. L.: Izdatel'stvo literatury po stroitel'stvu, 1966. 687 p.
18. Brileva O. A. Drevnyaya bronzovaya antropomorfnyaya plastika Kavkaza [Ancient bronze anthropomorphic plastic art of the Caucasus]. M.: TAUS, 2012. 424 p.
19. Vinogradov A. YU., Beleckij D. V. Cerkovnaya arhitektura Abhazii v epohu Abhazskogo carstva. Konec VIII — XV. [Church architecture of Abkhazia in the era of the Abkhaz kingdom. End VIII - XV]. M.: INDRIK, 2015. 372 p.